

Д. А. Сафонов**К проблеме информационных уровней в источниках, «исходящих от властей», по крестьянскому повстанчеству начала 1920-х годов**

Анализируя источники по повстанческому движению 1920-х годов, автор приходит к выводу, что традиционного деления источников на группы по происхождению, принятого в отечественном источниковедении, недостаточно. Высказывается мнение, что в данном случае уместна группировка источников по уровню достоверности сведений, целям их сбора и подачи, что в итоге позволяет говорить о нескольких уровнях качества подаваемой информации, откровенности и открытости сообщаемых данных. В основу анализа источников было положено их происхождение и те конкретные задачи, которые они должны были решать. В итоге автор предлагает определить минимум пять групп источников, различающихся уровнем информационного обеспечения.

Ключевые слова: повстанчество, источники, надежность информации.

Давая определение группе источников, взятых в качестве объекта изучения, мы ориентировались на позицию авторитетного издания «Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922. Документы и материалы», где источники делились на «исходящие от крестьян» и «исходящие от властей» [7, с. 23]. Последние в том же издании определялись и как «государственные» материалы; аргументом было утверждение, что авторами их являлись представители власти [7, с. 24]. В принципе такое толкование можно было бы принять, только, как показал опыт, возможно возникновение ситуации, что авторы мемуаров о подавлении крестьянских выступлений (т.е. со стороны власти) совсем не обязательно были именно представителями советской власти — рядовые красноармейцы, комсомольцы и т.п. Впрочем, в указанном сборнике мемуары не использовались, поэтому в нем подобный вопрос не возникал. Мы же исходим из того, что термин «исходящие от властей» наиболее четко очерчивает группу подобных источников.

Тема повстанчества 1920-х годов на протяжении достаточно долгого времени советского периода была не то чтобы запретной, но практически неразрабатываемой по причине отсутствия в этом необходимости: повстанцы определялись прежде всего как уголовные преступники, бандиты и т.п., что условно выводило их за рамки политического противостояния периода Гражданской войны, превращая в нечто сопутствующее основному конфликту красных и белых.

В постперестроечный период отношение к повстанчеству стало меняться: возник научный интерес исследователей, появились возможности для его удовлетворения. Начался активный поиск источников, поначалу достаточно бессистемный, едва ли не наудачу, вслепую. Казалось, что усилиями коммунистической власти информационное поле было более чем зачищено, и потому нахождение какой-либо информации по теме или близкой к ней уже казалось серьезной удачей. Со временем информации по тому или иному случаю выступлений повстанцев накапливалось столько, что становилось возможным выстраивание истории конкретных выступлений. Это сразу бросается в глаза, если обратиться к публикациям 1990-х годов, в абсолютном большинстве своем представлявшим попытку именно реконструирования происходившего. В то же время широкое распространение получило мнение, что прорыву в изучении темы должно существенно помочь открытие архивов, секретных фондов, где только и могла сохраниться ценная информация о повстанчестве. Надежды оправдались: произошедшие в 2000-х годах перемены дали ос-

© Сафонов Д. А., 2020

нование многим современным авторам говорить о начавшейся «архивной революции» (выражение В. Козлова, О. Локтевой [6]), открывшей доступ к источникам, ранее недоступным или не полностью разрешенным к использованию [5, с. 24]. Это ряд материалов высших партийно-государственных органов, документов ВЧК, армии. Именно тогда В. П. Данилов констатировал возникновение новой ситуации в историографии, потребовавшей первоочередного выявления и вовлечения в научный оборот всего, что раньше было недоступным для изучения, оставалось за пределами научного знания [2, с. 63].

Начавшаяся активная работа в этом направлении принесла свои плоды: в 2006 г. Н. С. Тархова подсчитала, что число различных сборников «крестьянских» серий приближалось к тридцати; в них были опубликованы десятки тысяч документов. Это позволило ей заключить, что «историки получили в свое распоряжение фундаментальную источниковую базу» [20]. База действительно возникла, но вряд ли ее можно было полагать завершенной; создавать научные труды на ее основе было возможно, но декларируемые выводы не могли иметь безусловный характер окончательной истины. Составители тома «Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД» В. Данилов и А. Берелович еще в 2000 г. подчеркивали, что публикуемые документы есть лишь выборка из общего массива, и предупреждали об опасности подчинения выбора документов «той или другой идеологической и политической концепции» [19, с. 21].

Судя по всему, предупреждение было услышано не всеми. У некоторой части исследователей явно нашел отклик эмоциональный призыв Н. С. Тарховой: «Перефразируя слова великого Ключевского, скажем, “пыльная инвентарная работа” закончилась, пора браться за дело» [20]. Следствием стало появление работ, написанных более в западной, нежели отечественной историографической традиции. Определенная заданность в отборе документов для публикации — «наиболее насыщенные конкретной информацией по разным районам и связанные с главными проявлениями времени» [19, с. 21] — оставила вне зоны исследовательского интереса события и факты, не вписывающиеся в создаваемую картину, выступления менее значимые, менее известные, менее массовые и организованные. Активное распространение концепции единого повстанческого (крестьянского) протеста с его единой «Программой», основывающейся прежде всего на опубликованных документах, внушает новому поколению исследователей веру не только в саму концепцию, но и в отсутствие необходимости дальнейшего архивного поиска на местах.

Впрочем, поиск новых данных, может быть, не так активно, как раньше, все же продолжается.

По мере накопления базовой информации достаточно скоро обнаружилось, что не вся она способна выстраиваться в логически завершенное повествование, что далеко не всем найденным сведениям можно верить, и это было достаточно нормально и ожидаемо: сообщения полевой разведки, собранные слухи, переговоры по прямому проводу и т.п. давали заведомо непроверяемую, порой ложную (ошибочную) или противоречивую информацию. Но были источники, вызывающие доверие своим происхождением, но при этом очевидно намеренно дозирувавшие информацию или дававшие неверные сведения, которые трудно было объяснить случайностью или ошибкой. Поэтому мы полагаем полезным провести дифференциацию источников по интересующей нас теме помимо традиционного источниковедческого подхода по уровню информационной обеспеченности и задачам, которые ставились перед их создателями.

Группировки источников могут быть разные — от видов письменных источников до более сложных вариантов. Изучение источников по повстанчеству с указанных позиций позволяет выделить пять уровней информационного обеспечения данной темы. Выводы

делаются на основе прежде всего материалов хорошо изученного нами региона Заволжья/Южного Урала; в то же время мы полагаем возможным считать выводы не только региональными.

Первый, низший, уровень — агитационный, даже пропагандистский. В данном случае «низшим» мы определяем его по соответствию реальной картине, но не по важности. Напротив, основная задача источников этого уровня была весьма важной — внедрить в сознание масс то или иное понимание происходящего, правильно расставить акценты. Создаваться они начали практически одновременно с происходившими событиями. Ради организации противодействия повстанцам среди населения распространялись слухи о зверствах мятежников, их жестокости, преступлениях и т.п.; чем страшнее, тем лучше. О достоверности и доказательности, разумеется, никто не заботился. Но именно на источниках этого уровня и создавалась версия советской историографии. Подобные «факты» плотно заполняли информационное пространство; повторяемость в публикациях на протяжении десятилетий вселяла доверие.

Что и как сообщалось красноармейцам, посылаемым на подавление выступлений, нам сегодня, разумеется, не узнать. Но обработка их в нужном направлении велась безусловно. Г. Десятков, долгое время работавший в Оренбургском партийном архиве, опубликовал в свое время любопытную книгу «Легенды старого Оренбурга» [3]. В ней он упоминал о встрече в Алма-Ате (вероятно, в 1970-х гг.) с бывшим курсантом 18-й Оренбургской пехотной школы Ф. Шерстюком, принимавшем участие в разгроме отряда Охранюка (Черского) [17]. Затем рассказчик нашел другого участника этого разгрома — С. Дудко, который сообщил о слухах, ходивших в курсантской среде. В обоих случаях в рассказе присутствовали убийства местных жителей, грабежи («Золота награбил, говорили, килограммов сорок»), разгромы санитарных поездов, насилие в отношении санитарок и уход Охранюка после разгрома в Персию [3, с. 49]. Стоит указать, что по документам обнаруживается, что ни одного санитарного поезда в зоне выступления не было и ушли остатки отряда Охранюка в Китай.

Другим способом распространения ложной информации были печатные агитационные материалы. Например, в «Бюллетене Тюменского губкома РКП(б)» сообщалось, что в с. Ярково коммунистов «кололи раскаленными пиками, посыпанными толченым стеклом» [21, с. 123]. Оттуда этот «факт» перешел в монографию М. Богданова о западносибирском мятеже [1, с. 35].

Еще более показателен пример возвания Бузулукского ревкома, созданного после изгнания «Армии Правды» А. Сапожкова [18] из Бузулука. В нем, в частности, сообщалось, что «во имя своих интересов, своего самолюбия пьяная компания из состава 9 кав-дива в лице начдива Сапожкова, комбрига Зубарева, комполка Плеханова и некоторых других подняла вооруженное восстание против Советской власти. <...> Пользуясь растерянностью одних и несознательностью других, эта банда захватила город Бузулук в свои руки: энергично начала его грабить, выкачивая все продовольственные склады, захватила 340 миллионов из казначейства, отрезала важный железнодорожный пункт Ташкент — Москва, задержала эшелон красноармейцев, следующих на Запфронт, ограбив у них все продовольствие. Сверхшая такое облегчение продовольственного затруднения для пролетариата, пьяная банда решила посмеяться над беззащитным городом, собрав митинги в саду и на площади, где после ряда бессмысленных погромных речей о том, что “армия правды” не против Советской власти, а только против неправильной политики Советской власти и поэтому предлагает всем выпущенным дезертирам записываться добровольцами, дабы бороться с неправильной политикой центра» [15, л. 15—16]. Все

советские публикации повторяли о грабежах и пьянстве почти слово в слово, впрочем, без указания источника.

Несколько позднее была создана иная легенда — повстанцы Сапожкова были объявлены «идейными» контрреволюционерами. Некто П. Завьяловский в начале 1920-х гг. был направлен из Оренбурга в Самару учиться в университете, где был вхож в кружок местных писателей (Н. Степной, Неверов, Яровой, Спасский и др.), куда приходил В. А. Антонов-Овсеенко, на тот момент председатель Самарского губисполкома. Он рассказывал им, что в Самаре якобы был подпольный контрреволюционный центр, который поручил Сапожкову очистить Уральскую область и Оренбургскую губернию от советских войск, освободить из тюрем офицеров и буржуазию и создать сильный ударный кулак в Заволжье, чтобы с его помощью оторвать Среднюю Азию от России [12, л. 2—3]¹. Затем в 1950-х гг. в своих воспоминаниях — еще более детально и подробно — эту историю повторил В. Чекурин — бывший в 1920 г. начальником Бузулукской железнодорожной ЧК [22]. Мы полагаем, что в дальнейшем данная версия развития не получила исключительно потому, что вновь возобладало видение повстанцев как бандитов и преступников — политический протест, даже контрреволюционный, оказался излишним.

Вообще мемуары также следует отнести к источникам данного уровня. При этом авторов, специально писавших о борьбе с повстанчеством («бандитизмом»), очень мало. Как правило, это бывшие командиры, и потому рассказ их более сосредоточен на акцентировании собственной роли в происходившем, конкретно — в разгроме бандитов. Надежность сведений можно оценить по рассказам нескольких мемуаристов, каждый из которых сообщал, что именно он казнил Охранюка — кстати, как уже указывалось выше, на самом деле ушедшего в Китай. Основная же часть мемуаристов нередко лишь упоминала о своем участии в борьбе с бандитами, поминая через запятую белобандитов Дутова, Охранюка и прочих. Появление во второй половине 1950-х годов новой волны мемуаров было стимулировано приближающейся 40-летней годовщиной Октября. В этих мемуарах авторы, как правило, писали так, «как надо», с теми оценками происходившего, которые уже существовали в литературе. Подобные заявления и «свидетельства» затем переходили в публикации, приобретая ценность гарантированной истины, вновь подкрепляя кажущуюся верность имеющихся рассуждений историков.

Второй уровень — отчеты чекистов о наблюдаемом. В зону выступления первыми делегировались чекисты, конечно, с соответствующими заданиями; отсюда написанное ими касалось преимущественно исполнения приказов: «я был командирован на подавление сапожковского восстания... развить конспиративную работу среди неблагонадежного комсостава, в то же время держать связь с повстанцами, информируя особый отдел» [16, л. 1—2], «по ликвидации и выявлению бандитов и по собиранию всех участников бандитских выступлений» [16, л. 12—13]. Налицо два варианта текстов: доклады, написанные непосредственно после исполнения задания, и воспоминания, написанные по заказу Истпарта, очень напоминающие подобные отчеты. Общая характерная их черта — сообщение сведений исключительно в рамках полученных заданий, никакой «лишней» информации.

Третий уровень — показания арестованных участников и иных лиц, причастных к тому или иному выступлению. Это самая закрытая и малодоступная группа источников по причине того, что дела трибуналов находятся в архивах ФСБ. В сборнике «Крестьянское движение в Поволжье» Н. С. Тархова относит протоколы допросов к «крестьянским документам» как «отражающие деятельность повстанцев через следственные

¹ Стоило задуматься о мотивах, которыми руководствовался старый партиец, делясь секретной информацией с молодежью.

и чрезвычайные органы власти» [7, с. 24]. Поскольку мы плотно работали только со следственными материалами по «сапожковскому» восстанию, наши наблюдения основываются на анализе документов этого конкретного выступления. Прецедентов, сродни «декабристскому», когда арестованные давали не скрывая подробные показания о себе, здесь нет. Специфической чертой подобных источников можно полагать их кажущуюся надежность и истинность сообщаемой информации. Но на самом деле мы наблюдаем практически в каждом конкретном случае стремление отвести от себя подозрения в причастности к происходившему, выставить себя жертвой мятежников, объясниться, почему сразу не бежал от них (последний вопрос задавался почти каждому из допрашиваемых). Для абсолютного большинства, в том числе из руководящего состава, свойственно стремление приуменьшить свою роль в происходившем, а для рядовых участников — доказать свою несознательность и слабое понимание происходившего. Последнее — в лучших традициях поведения крестьян, привлекаемых к следствию властями, на протяжении всего XIX века. Но деталей и подробностей в протоколах содержится немало, при этом отчетливо видна тенденция сгущать краски в отношении «бандитов» и приписывать им отрицательные черты и поступки.

Бросается в глаза, что под подозрение и, соответственно, под допрос попадал фактически каждый, так или иначе причастный к событиям, независимо от прежних заслуг. В многотомном следственном деле по «Армии Правды», находящемся в архиве УФСБ по Оренбургской области, из десятков протоколов допросов разных лиц есть только один документ, где допрашиваемый рассматривался именно свидетелем, — это был комиссар полка, арестованный Сапожковым в начале выступления. Все прочие вынуждены были оправдываться.

В принципе к источникам этого уровня можно отнести и иные документы, созданные членами партии в стремлении оправдаться о своих действиях. Так, существует подборка документов, связанная с С. Д. Сучковым, военным комиссаром Бузулукского уезда. Ревтрибунал обвинил его в бездействии и поспешном оставлении города Бузулука, когда туда вошли сапожковцы [14, л. 160]. В итоге наряду с текстами, написанными Сучковым, которые можно полагать мемуарами, в архиве существует «Объяснение военного комиссара т. Сучкова о его действиях во время Сапожковского мятежа 14 июля 1920 г.» [8, л. 21—38], включавшее «справку совещания ответственных работников г. Бузулука и ст. Бузулука», подписанную 22-мя «ответственными работниками», ходатайствующими о снятии с Сучкова «тяжелого обвинения» [8, л. 33—34].

Именно поэтому мы и сочли необходимым выделить в особую группу отчеты чекистов: они констатировали, но не оправдывались.

Четвертый — военные сводки (телеграммы) и информационные сводки ЧК. Они различаются по содержанию, но суть одна — трансляция конкретных данных. Инфосводки ЧК как раз и принадлежали к тем источникам, которые ранее были совершенно закрытыми, почему и вызвали такой исключительный интерес публикаторов и высокие оценки ими важности содержащейся в них информации. По мнению Н. С. Тарховой, сбор чекистами информации осуществлялся для сообщения власти о том, где и что происходит, кто и что думает, кто и чем недоволен, «для повседневной регистрации всего происходящего в жизни населения огромной страны» [20].

Собственно оценки информационной надежности сводок никто не давал, лишь подчеркивалось, что они были чрезвычайно важны для власти, для определения ею «будущих шагов», от сбора такой информации зависела «боеспособность и жизнедеятельность» новой власти [20]. Как бы подразумевалось, что сводки, создаваемые для весьма узкого круга руководителей, не могли содержать ложной или ангажированной информа-

ции и потому, конечно же, надежны. Действительно, такие сводки создавали прекрасные возможности для сопоставления и анализа однотипного материала по хронологии и территориальным рамкам. Но стоит отметить, что все хвалебные отзывы касались исключительно информационных сводок ВЧК. Между тем сводки, представляемые на самый верх советского и партийного руководства, были вторичными источниками, создаваемыми на основе первичных, каковыми были информационные сводки губернских ЧК. Они, по логике, отложились в фондах архивов ФСБ и малодоступны исследователям; к счастью, копия с каждой сводки, отправляемой в центральный аппарат ЧК, представлялась в губком партии и потому оставалась в местном партархиве. Уровень сохранности на сегодня разный: по рассматриваемому нами региону сводок Челябинской губЧК сохранилось на порядок больше, чем сводок Оренбургской.

Повторим еще раз: для получения общей аналитической картины сводки ВЧК более чем удобны, но вот для изучения конкретных событий значительно полезнее губернские сводки.

В сборнике документов «Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918—1939» история информационных сводок отсчитывается от приказа секретного отдела ВЧК от 10 июня 1920 г. «О предоставлении информационных сводок» [19, с. 30]. Однако существовал приказ ВЧК № 85 от 03.02.1920, в котором особой инструкцией определялся круг вопросов, требующих освещения в регулярно (два раза в месяц) представляемой сводке. Там указывалось, что «основной целью госинформации является информирование центра о степени устойчивости положения на местах и о проведении и укреплении на местах нашей политики. Поэтому в основу госинформационной работы должно лечь освещение политического состояния данного района и выделение экономических причин, влияющих на изменение этого состояния, а также освещение степени успешности проведения в жизнь главных мероприятий Советской власти как в политической, так и экономической сферах». Иными задачами отмечались «наблюдение за ростом мелкобуржуазной стихии, за проявлениями мелкобуржуазных настроений в рабочей, партийной, союзной, красноармейской массе», а также «уведомление центра об активных проявлениях явной и тайной контрреволюции, о работе контрреволюционных банд и группировок» [11, л. 1]. При этом перечень тем был задан жестко и приказ требовал обязательного освещения каждой из них, в том числе «политэкономического состояния крестьян», «контрреволюции» и «красного бандитизма».

Мы приводим здесь перечень задач с целью показать, что сводки сообщали не обо всем происходящем в жизни населения, а именно о том, что требовалось. За изначально установленные рамки они не выходили, ограничиваясь констатацией фактов без детализации и анализа. Кроме того, опыта создания сводок, разумеется, ни у кого не было; выработка навыков составления подобных документов происходила не сразу, особенно при тогдашнем уровне квалификации кадров и серьезном кадровом голоде. Достаточно вспомнить, сколько времени потребовалось для более или менее сноской организации сбора материалов и создания губернаторских годовых отчетов на местах, чтобы понять, что обретение опыта составления сводок занимало немалое время.

Ход борьбы с «бандами» освещался также в оперативных сводках и шифрованных телеграммах отрядов Красной Армии и ЧОН, копии с которых в обязательном порядке также присылались в губком. Работа по реставрированию событий на основании подобных сводок достаточно сложна: данные в них чаще всего давались непроверенные, по слухам, сведениям разведки и проч. Кроме того, нужно учитывать сам подход к информации: составителей сводок интересовало прежде всего направление передвижения банд, их численность, потери и т.п. Известия о появляющихся бандах далеко не всегда под-

тверждались. Начальник политотдела отдельной стрелковой бригады 6—9 июля 1921 г. объехал Илецкий район, откуда потоком от партийных органов шла информация о появлении новых и новых многочисленных бандформирований. Расследование показало, что сведения неправильны: за бандитов принимались то перегоняемые табуны, то группы казахов, едущих на сенокос. Расследование по сообщению о прохождении в 7 верстах от Илека банды в 130 сабель показало, что речь шла о семи местных жителях [9, л. 32].

Сведения в губернских сводках часто были непроверенные (непроверяемые), данные разрозненные и порой противоречивые. Вероятно, все исследователи, кто пытался использовать подобные источники для воссоздания хода выступления, неизбежно осознавали, что на их основе сделать это практически невозможно. Другое дело, что иных источников может просто не быть. Например, по выступлению Охранюка-Черского практически единственный источник сведений — секретные телеграммы за подписью вридначштаба Кошкина, ежедневно присылаемые председателю губкома. При этом в телеграммах оговаривалось, что сведения — это либо показания пленных, либо слухи, собираемые среди населения [10, л. 47].

И наконец, *пятый уровень*, вероятно, наиболее точный и информационно надежный, поскольку сюда относятся источники, ориентированные на людей, имеющих высший уровень доступа к информации. Логически рассуждая, это узкий круг высшего государственного и партийного руководства. Составители «Советской деревни глазами ВЧК» к таковым источникам (для узкого круга и самым секретным) относили информационные сводки и обзоры, тематические справки и аналитические доклады, представляемые спецслужбами. Последнее было определяющим. На наш взгляд, точнее было бы определить на этот уровень тот или иной источник не по его происхождению (секретности), но по стилю изложения, без обязательной даже для инфосводок лексики о «контрреволюции», «бандитах» и т.п., столь же обязательных утверждений о постоянных успехах властей и неудачах мятежников. Приведем несколько примеров.

Так, в архивном фонде Управления войск ВЧК (РГВИА) в сентябре 1920 г. начальнику оперативного управления штаба войск внутренней охраны республики была представлена карта «Сапожковского восстания» с сопутствующей легендой, где четко и без агитационных дежурных фраз излагался процесс подавления выступления. Интереснее всего то, что и контрпропаганда периода самого восстания, и мемуаристы, и все авторы, писавшие о выступлении, излагали события по одной схеме — продержавшись в Бузулуке два дня, сапожковцы были выбиты из города и начали преследоваться коммунистическими частями. При этом в каждом бою сапожковцы несли огромные потери, каждый раз малой части их удавалось вырваться с тем, чтобы через некоторое время вновь быть настигнутыми — группа беглецов становилась все меньше и меньше, пока наконец возмездие их не настигло. Согласно же «легенде Сапожковского восстания» [13], картина оказывалась совершенно иной — никакого обреченного бегства от поражения к поражению. Сапожковцы оказывали сопротивление, правительственные войска порой оказывались разбитыми и вынуждены были отступить, другими словами, все было значительно сложнее.

Несколько иными по сути, но не по уровню откровенности мы полагаем материалы аналитического плана, создаваемые в партийном аппарате также для узкого круга допущенных к таковым. Выскажем предположение, что допуск к подобного рода откровенным источникам имело крайне ограниченное число партийцев. Между тем только там можно увидеть реальное понимание происходившего. Ярким примером может послужить аналитическая записка по восстанию Сапожкова, недавно нами опубликованная [4]. Она была создана сразу, «по горячим следам», после того, как повстанцы Сапожкова покинули Бузулук, кем-то из местных партийных секретарей (подпись не читается). Потому дан-

ный документ, являющийся аналитическим, никак не получается отнести к источникам высшего уровня доступа, хотя он также был рассчитан на крайне узкий круг читателей. В пользу последнего говорит факт обнаружения машинописной копии записки в следственных делах по «сапожковскому восстанию», хранящихся в архиве Оренбургского областного управления ФСБ, и потому на протяжении десятилетий недоступных никому. Только там встречаются показательные слова: «Коммунистами возглавлялась оборона города. Коммунисты стояли во главе банд, нападавших на город, коммунисты же, наконец, возглавляли и ту, своеобразную, не то нейтральную, не то скрыто-враждебную к одной из дравшихся сторон группу, которая взяла в свои руки гражданскую власть во время свалки и сконструировала новый исполком» [4, с. 577]. Заключение автора, что «в партии не все обстоит благополучно. Обозначается серьезная болезнь, к излечению которой должны быть приняты срочные и энергичные меры» [4, с. 578], позволяет понять, почему на X съезде партии о «сапожковщине» говорилось как о чрезвычайно опасном явлении, требующем принятия неотложных мер.

Мы полагаем, что ощутимо расширившийся в последние десятилетия и продолжающий расширяться круг источников по повстанчеству в 1920-х годах наряду с положительным эффектом несет в себе и дополнительные проблемы. Как показала практика, использовать всю содержащуюся в обнаруженных источниках информацию оказывается невозможным прежде всего из-за того, что данные порой оказываются противоречивыми, несостыкующимися между собой. Это, в свою очередь, позволяет отдельным авторам отходить от традиционных для отечественной историографии позитивистских принципов. Селекция источниковой информации влечет за собой создание вариативных повествований, ориентированных не на поиск истины, но на конкретный исходный тезис.

Сравнительный анализ источников на предмет объективности и точности содержащейся в них информации по проблеме повстанчества позволяет определить минимум пять уровней информационного обеспечения со своими задачами на каждом из них. Не выступая за пересмотр общепринятого деления исторических источников на виды, отметим только, что если в традиционном случае принято делить источники по типу носителя и по способу передачи информации, то деление по принципу объективности вполне допустимо. Кроме того, мы никоим образом не претендуем на всеобщность выводов. Анализируя источники по повстанческому движению 1920-х годов, мы приходим к выводу, что традиционного их деления на группы по происхождению, принятого в отечественном источниковедении, недостаточно. В этом случае уместна также группировка источников по степени достоверности сведений, целям их сбора и подачи, что в итоге позволяет говорить о нескольких уровнях качества подаваемой информации, откровенности и открытости сообщаемых данных, что ощутимо повышает уровень и надежность исторического повествования.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00149 «Феномен “красного” повстанчества в гражданской войне: сопряженность идейных установок, военных и организационных решений (Центральное Черноземье, Поволжье и Южный Урал)».

Список использованных источников и литературы

1. Богданов М. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 года. Тюмень : Тюменское кн. изд-во, 1961. 112 с.
2. Данилов В. П. Проблемы отбора и публикации рассекреченных документов по истории советского крестьянства // Проблемы публикации документов по истории России XX века : материалы Всерос.

- науч.-практ. конф. научных и архивных работников (Москва, 1—2 июня 1999 г.). М. : РОССПЭН, 2001. С. 63—70.
3. Десятков Г. М. Легенды старого Оренбурга. Оренбург : Оренбургская книга, 2017. 272 с.
 4. Документ по истории выступления «Армии Правды» А. Сапожкова (1920 г.). Публикация Д. А. Сафонова // Крестьянский фронт 1918—1922 гг. : сб. статей и материалов / сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М. : АИРО-XXI, 2013. С. 564—578.
 5. Иванов А. А. Крестьянство Поволжья в аграрной революции 1917—1922 гг.: новые источники, современные публикации // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2005. № 3. С. 22—38.
 6. Козлов В., Локтева О. «Архивная революция» в России (1991—1996) // Свободная мысль. 1997. № 1-4.
 7. Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 гг. : документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М. : РОССПЭН, 2002. 944 с.
 8. Научный архив Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея. Ф. 2554. Оп. 1н. Д. 1003.
 9. Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 229.
 10. ОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233.
 11. ОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 346.
 12. ОГАСПИ. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 118.
 13. Российский государственный военный архив. Ф. 42. Оп. 1. Д. 905.
 14. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 266.
 15. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 333.
 16. СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 295.
 17. Сафонов Д. А. Охранюк (Черский) // Вожаки и лидеры Смуты. 1918—1922 гг. Биографические материалы / под ред. А. В. Посадского. М. : АИРО-XXI, 2017. С. 130—131.
 18. Симонов А. А., Сафонов Д. А. Сапожков // Вожаки и лидеры Смуты. 1918—1922 гг. Биографические материалы / под ред. А. В. Посадского. М. : АИРО-XXI, 2017. С. 172—174.
 19. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918—1939. Документы и материалы : в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. Т. 1. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 864 с.
 20. Тархова Н. С. История российского крестьянства в серийных документальных публикациях 1990—2000-х гг. // Новый исторический вестник. 2006. № 1 (14). С. 61—73.
 21. Трифонов И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа. Ч. 1. Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. Л. : Изд-во ЛГУ, 1964. 311 с.
 22. Чекурин В. Сапожковский мятеж // Коллекция воспоминаний старых большевиков, красногвардейцев и красных партизан — участников гражданской войны (1917—1921 гг.). Городской краеведческий музей, г. Бузулук. Л. 144—163.

Поступила в редакцию 12.02.2020

Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор
 Оренбургский государственный университет
 Российская Федерация, 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13
 E-mail: d_safonov@mail.ru

UDC 930.2:94(470.56)“192”:323.269:63-051

D. A. Safonov**To the problem of information levels in the authoritative sources on peasant rebellion in the early 1920s**

Analyzing sources on the rebel movement of the 1920s, the author comes to the conclusion that the traditional division of sources into groups, adopted in domestic source studies — by origin, is not enough. The opinion is expressed that in this case a grouping of sources is also appropriate according to the level of reliability of the information, the purposes of their collection and submission, which ultimately allows us to talk about several levels of quality of the information provided, frankness and openness of the data communicated. The analysis of the sources was based on their origin and those specific tasks that they had to solve. As a result, the author suggests identifying at least five groups of sources that differ in the level of information support.

Key words: rebellion, sources, reliability of information.

Safonov Dmitry Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State University
Russian Federation, 460018, Orenburg, pr-t Pobedy, 13
E-mail: d_safonov@mail.ru

References

1. Bogdanov M. *Razgrom zapadnosibirskogo kulatsko-eserovskogo myatezha 1921 goda* [The defeat of the West Siberian Kulak-Socialist-Revolutionary rebellion of 1921]. Tyumen, Tyumenskoe kn. izd-vo Publ., 1961. 112 p. (In Russian)
2. Danilov V. P. Problemy otbora i publikatsii rassekrechennykh dokumentov po istorii sovetskogo krest'yanstva [Problems of selection and publication of declassified documents on the history of the Soviet peasantry]. *Problemy publikatsii dokumentov po istorii Rossii XX veka: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 1—2 iyunya 1999 g.)* [Problems of publishing documents on the history of Russia of the XX century. Proceed. of All-Russia scientific-practical conf. (Moscow, June 1—2, 1999)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, pp. 63—70. (In Russian)
3. Desyatkov G. M. *Legendy starogo Orenburga* [Legends of old Orenburg]. Orenburg, Orenburgskaya kniga Publ., 2017. 272 p. (In Russian)
4. Dokument po istorii vystupleniya “Armii Pravdy” A. Sapozhkova (1920 g.). Publikatsiya D. A. Safonova [A document on the history of the performance of the “Army of Truth” of A. Sapozhkov (1920). Publication of D. A. Safonov]. *Krest'yanskii front 1918—1922 gg. Sbornik statei i materialov* [Peasant Front 1918—1922. Coll. of articles and materials]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2013, pp. 564—578. (In Russian)
5. Ivanov A. A. Krest'yanstvo Povolzh'ya v agrarnoi revolyutsii 1917—1922 gg.: novye istochniki, sovremennyye publikatsii [The Volga peasantry in the agrarian revolution of 1917—1922: new sources, modern publications]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki — Bulletin of the Chuvash University*, 2005, no. 3, pp. 22—38. (In Russian)
6. Kozlov V., Lokteva O. “Arkhivnaya revolyutsiya” v Rossii (1991—1996) [The “Archival Revolution” in Russia (1991—1996)]. *Svobodnaya mysl'*, 1997, no. 1-4. (In Russian)
7. *Krest'yanskoe dvizhenie v Povolzh'e. 1919—1922 gg.: dokumenty i materialy* [Peasant movement in the Volga region. 1919—1922. Documents and materials]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 944 p. (In Russian)
8. *Nauchnyi arkhiv Orenburgskogo gubernatorskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya* [Scientific archive of the Orenburg Governor's Museum of History and Local Lore]. F. 2554. Op. 1n. D. 1003.
9. *Orenburgskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Orenburg State Archive of Socio-Political History] (OGASPI). F. 1. Op. 1. D. 229.
10. OGASPI. F. 1. Op. 1. D. 233.
11. OGASPI. F. 1. Op. 1. D. 346.
12. OGASPI. F. 6002. Op. 1. D. 118.
13. *Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv* [Russian State Military Archive]. F. 42. Op. 1. D. 905.
14. *Samarskii oblastnoi gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Samara Regional State Archive of Socio-Political History] (SOGASPI). F. 1. Op. 1. D. 266.

15. SOGASPI. F. 1. Op. 1. D. 333.
16. SOGASPI. F. 3500. Op. 1. D. 295.
17. Safonov D. A. Okhranyuk (Cherskii) [Okhranyuk (Chersky)]. *Vozhaki i lidery Smuty. 1918—1922 gg. Biograficheskie materialy* [The rebellion's leaders. 1918—1922. Biographical materials]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2017, pp. 130—131. (In Russian)
18. Simonov A. A., Safonov D. A. Sapozhkov [Sapozhkov]. *Vozhaki i lidery Smuty. 1918—1922 gg. Biograficheskie materialy* [The rebellion's leaders. 1918—1922. Biographical materials]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2017, pp. 172—174. (In Russian)
19. *Sovetskaya derevnya glazami VChK — OGPU — NKVD. 1918—1939. Dokumenty i materialy: v 4 t.* [The Soviet village through the eyes of the Cheka — OGPU — NKVD. 1918—1939. Documents and materials. In 4 vol.]. Vol. 1. Moscow, Ros. polit. entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2000. 864 p. (In Russian)
20. Tarkhova N. S. Istoriya rossiiskogo krest'yanstva v seriinykh dokumental'nykh publikatsiyakh 1990—2000-kh gg. [The history of the Russian peasantry in serial documentary publications of the 1990—2000s]. *Novyi istoricheskii vestnik — The New Historical Bulletin*, 2006, no. 1 (14), pp. 61—73. (In Russian)
21. Trifonov I. Ya. *Klassy i klassovaya bor'ba v SSSR v nachale nepa. Ch. 1. Bor'ba s vooruzhennoi kulatskoi kontrrevolyutsiei* [Classes and class struggle in the USSR at the beginning of NEP. Part 1. The fight against the armed kulak counter-revolution]. Leningrad, LGU Publ., 1964. 311 p. (In Russian)
22. Chekurin V. Sapozhkovskii myatezh [Sapozhkov rebellion]. *Kollektsiya vospominanii starykh bol'shevikov, krasnogvardeitsev i krasnykh partizan — uchastnikov grazhdanskoj voiny (1917—1921 gg.). Gorodskoi kraevedcheskii muzei, g. Buzuluk* [Collection of memoirs of the old Bolsheviks, Red Guards and red partisans — participants in the Civil War (1917—1921)]. City Museum of Local Lore, Buzuluk]. P. 144—163. (In Russian)